

E 26 461

МАТЕРИНСТВО

(въ защиту нравственной личности женщины).

ПУБЛИЧНОЕ ЧТЕНІЕ.

Димитрій Введекскій.

E 26 461

301:

Материнство

(въ защиту нравственной личности женщины).

(ПУБЛИЧНОЕ ЧТЕНІЕ).

Димитрій Введенскій.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 30377 1978г.

Материкство.

Материкство—это осуществленный идеаль безкорыстной любви.

Исторія даетъ отрадную лѣтопись подвиговъ матерей, не отдѣлявшихъ своего личнаго счастья и даже собственной жизни отъ счастья и жизни дѣтей. Даже язычество дало истинныхъ и высокихъ выразительницъ материнства... И нужно ли говорить о христіанствѣ?! Молитва христіанскихъ матерей была незримою, но дѣйственною зашитою дѣтства, ихъ слезы были животворною росою, которая оживляла и какъ бы возрождала угасавшій, иногда, въ дѣтяхъ пламень вѣры и чувство религіозной совѣстливости. Ихъ любовь къ дѣтямъ не знала границъ. Ихъ попечительность о добромъ настроеніи дѣтей заполняла все время... Такіе великіе образы женщинъ христіанокъ, какъ Анеуса — мать Златоуста, забывшая о своемъ раннемъ вдовствѣ, о своей молодости и красотѣ и отдавшаяся заботамъ о сынѣ Іоаннѣ, какъ мать Василия Великаго—Нонна, слѣдившая за его религіознымъ воспитаніемъ, Моника—мать Августина, молитвенными слезами возвратившая на путь покаянія сына, показавшаго рѣдкій примѣръ духовнаго возрожденія—всѣ эти матери всегда будутъ неумирающими образами съ ореоломъ святости. Ихъ образъ неотразимо залегалъ въ сознаніи ихъ дѣтей. „Предъ душою моею, говорить блаженный Августинъ о своей матери въ одинъ изъ моментовъ своего духовнаго прозрѣнія, предсталъ образъ смиренной рабы Твоей; мнѣ живо воображалось ея благочестивое хожденіе предъ

Тобою, ея благочестивое, любвеобильное, самое нѣжное и кроткое обхожденіе съ нами и мнѣ сладко было плакать предъ очами Твоими о ней и за нее, о себѣ самомъ и за самого себя. И я далъ полную волю слезамъ, которыя доселѣ сдерживалъ... И онѣ послужили для меня облегченіемъ, потому что ихъ видѣлъ Ты... Я нѣсколько часовъ плакалъ надъ матерью своею, которая обо мнѣ столько лѣтъ плакала, чтобы увидѣть меня живущимъ предъ Твоими очами“...

Если же такъ, если чувство материнства общечеловѣчно, если исторія всѣхъ народовъ знаетъ рѣдкихъ матерей, то, очевидно, это чувство имѣетъ глубочайшее основаніе въ самой природѣ. Оно есть дѣло милосердія Творца, возжегшаго въ сердцахъ матерей нѣжную, пламенную, безкорыстную любовь къ маленькимъ проповѣдникамъ незлобія и невинности и тѣмъ связавшаго незримою могучею связью малютокъ съ ихъ матерями... Поэтому материнскую любовь справедливо можно назвать *каплей любви изъ великаго океана Божественной любви*...

И какъ велика, поистинѣ чудодѣйственна, сила и энергія этой любви! Какъ поразительны бываютъ превращенія беззаботной дѣвушки въ мать-семьянинку! „Еще вчера нѣжная, избалованная дѣвушка требовала себѣ изысканной пищи, дорогой одежды, мягкой постели; малѣйшее дуновеніе вѣтерка безпокоило ее... А сегодня она довольствуется простымъ хлѣбомъ, грубой тканью, подстилкой изъ соломы; она заботится о томъ, чтобы лишь было у ней молоко въ груди и на плечахъ лохмотья для прикрытія ребенка; вѣтеръ и непогода для нея—ничего, если ей нужно идти куда-либо для ребенка“¹. И намъ вполне понятенъ слѣдующій фактъ. У одной матери дикари унесли ребенка. Она, явившись къ нимъ, съ неотразимой убѣдительностію, въ которой слышался голосъ материнской любви, приказала возвратить ребенка ея. Величіе материнской скорби смутило дикарей и они возвратили ребенка матери. Общеизвѣстенъ и другой рассказъ о львѣ, унесшемъ малютку. Какъ безумная, кинулась мать за малюткой и изъ ея груди вырвался такой вопль, что кровожадный звѣрь остановился... Даже самыя небеса какъ бы разверзаются предъ неотразимою силою материнской любви къ ребенку. По крайней мѣрѣ, кому не извѣстенъ библейскій образъ Агари, скорбѣвшей о томъ, что сынъ ея—отрокъ умираетъ отъ жажды въ пустынѣ. Видя

¹ Шатобріанъ.

страданія отрока своего, она разразилась великимъ плачемъ... И небесный посланникъ, явившійся по волѣ Бога на голосъ материнской любви, влилъ въ душу многоскорбной изгнанницы отрадную увѣренность въ спасеніи ея сына. Она увидѣла внезапно открывшійся для ея глазъ колодезь и, напоивъ его, спасла ему жизнь...

И Самъ Господь въ измѣнчивыхъ чувствахъ людскихъ отношеній указываетъ на глубину материнской любви, сравнивая Свою любовь къ Богоизбранному народу съ любовью матери, когда говорить: *можетъ ли забыть женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего* (Ис. 49, 15)?.. Словомъ, чувство материнства неуничтожимо: оно господствуетъ надъ инстинктомъ самосохраненія ². Даже въ мірѣ животныхъ зоологи отмѣчаютъ, поучительные и для человѣка, случаи проявленія материнской любви. Извѣстно, напримѣръ, что ласточки влетаютъ въ горящія дома, чтобы спасти своихъ дѣтенышей. Самка кита не оставляетъ своего дѣтеныша, избитаго острою, до тѣхъ поръ пока онъ еще живъ. Морскіе коты ищутъ своихъ пропавшихъ дѣтенышей и, проливая обильныя слезы, плаваютъ нѣсколько дней около берега ³.

И правъ поэтъ, сказавшій:

Увы, утѣшится жена,
И друга лучший другъ забудеть...

Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя искреннія слезы —
То слезы бѣдныхъ матерей... ⁴

Да, только материнская любовь можетъ исторгать неподдѣльныя, поистинѣ святыя, слезы; только она можетъ явить міру въ матеряхъ истинныхъ героинь.

И неудивительно, если многіе поэты въ своихъ художественныхъ созданіяхъ вырисовывали это высокое чувство материнства, находя въ немъ осуществленіе идеальной безкорыстной любви, которой такъ бѣдно современное человѣчество. Съ какимъ, на примѣръ, чувствомъ умиленія читаешь стихотвореніе Майкова

² Гефдингъ. Очерки психологій. Пер. съ нѣм. 1896 г., стр. 270—271.

³ *ibid.*

⁴ Некрасовъ.

„Мать“, въ которомъ нарисованъ самоотверженный подвигъ „родимой“!

Долгую ночь просидѣла она у изголовья больного ребенка. Она то рассказываетъ сказку ему, то запоетъ пѣсенку, а сама внимательно слѣдитъ за каждымъ движеніемъ его... Вотъ, думаетъ она,

Задремалъ, мой крошка... Тише! засыпаетъ...

Словно птенчикъ, все въ жару губки открываетъ...

Она не думаетъ о томъ, что, быть можетъ, не одна безсонная ночь предстоитъ ей... Все, все отдастъ она—свой покой, если нужно, даже свою жизнь, чтобы только спасти ребенка:

Отклони ударъ, уйди,
Смерть съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдастъ безъ бою! ⁵.

Даже въ минуты безмятежнаго семейнаго счастья любящая мать не можетъ забыть о своемъ ребенкѣ. Какъ Лермонтовская казачка заглядываетъ у колыбели малютки въ его будущее и предусматриваетъ угрожающія ему опасности съ обѣщаніемъ молитвы и образа святаго, такъ и всякая любящая мать раздумываетъ надъ будущею судьбою своихъ дѣтей, какъ бы напередъ стараясь сбросить съ ихъ жизненнаго пути все, что можетъ повредить имъ. И эти поэтическіе образы—не простое выраженіе фантазии. Нѣтъ, это отображеніе дѣйствительности. Вотъ, напримѣръ, живой образъ самоотверженной матери Аксакова ⁶. Она рѣшилась отдать своего сына въ школу, имѣя въ виду счастье сына. Подготавливая его къ школѣ, она скорбѣла при мысли о разлукѣ съ нимъ. „Она худѣла, желтѣла съ каждымъ днемъ: никогда не плакала и только болѣе обыкновеннаго молилась Богу, запершись въ своей комнатѣ. Вотъ гдѣ было настоящее торжество безграничной, безкорыстной, полной самоотверженія материнской любви!“—говоритъ Аксаковъ... Но вотъ мальчуганъ заболѣлъ въ пансіонѣ въ Казани. Для того, чтобы добраться до сына, матери нужно было весной переправиться чрезъ Каму. Кама еще не прошла, понадулась и посинѣла. Остановившись въ большомъ

⁵ Ср. К. Ельницкій. Избранныя педагогическія статьи. 1896 г. Москва. стр. 120.

⁶ Дѣтскіе годы Багрова внука.

селѣ Мурзихѣ, мать умоляла крестьянъ перевести ее чрезъ Каму. Нашлись добрые и смѣлые люди, понимавшіе горе матери, спѣшившей къ больному сыну; они общали ей, что если къ утру подморозитъ, то они доставятъ ее на другой берегъ. До самой зари, стоя въ углу, она молилась на колѣняхъ предъ образомъ въ той избѣ, гдѣ провела ночь. Теплая материнская молитва была услышана: къ утру морозъ высушилъ дорогу. На зарѣ шестеро молодцевъ, перекрестившись на церковный крестъ, отправились вмѣстѣ съ изстрадавшеюся матерью чрезъ Каму. Когда, минуя полыни, путники переправились чрезъ Каму, мать Аксакова отъ пережитого волненія упала въ обморокъ... Но за то цѣль была достигнута. Чрезъ два дня она была въ Казани, у сына...

Такъ велика энергія и неустрашимость любящей матери!

А кто не помнитъ жены Тараса Бульбы! Разставаясь съ своими дѣтьми, отправлявшимися въ Запорожье, она, ночью, припадала къ ихъ изголовью, смачивала слезами ихъ кудри, обнимала дорогія головы и цѣловала ихъ... „Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе, и не могла наглядѣться“. Она шептала во тьмѣ: „сыны мои, сыны мои милые“!.. „Какъ степная чайка“ вилась она надъ ними... Прощаясь съ ними, она благословила ихъ иконами и... зарыдала. Такъ безгранична привязанность матерей къ дѣтямъ!..

Психологія материнства была прекрасно понята и нашимъ русскимъ народомъ. Въ его задушевныхъ пѣсняхъ мать часто называется „ласточкою“, увивающеюся около гнѣздышка, а ея слезы жалости къ дѣтямъ сравниваются съ рѣкою:

Она плачетъ—какъ рѣка течетъ...⁷

Понятно, поэтому, если и духовные и свѣтскіе писатели всегда преклонялись предъ высокимъ подвигомъ материнства. Даже новѣйшіе драматические писатели не могли не считаться съ фактомъ материнства. По крайней мѣрѣ, драматическое положеніе ихъ своеобразныхъ героевъ, напримѣръ „Бранда“ Ибсена и „Человѣка“ Андреева, становится особенно выразительнымъ въ виду того, что главнымъ героямъ приходится считаться съ материнскою любовью, которую они, какъ, напримѣръ, Брандъ у Ибсена, или насильственно попираютъ, или, теряя подъ собою почву и сѣтуя на измѣнчивость и жестокое непостоянство судьбы,

⁷ Нар. пѣсня.

среди проклятій, какъ, на примѣръ, „Человѣкъ“ у Андреева, невольно исповѣдуютъ величіе материнской любви.

И, разумѣется, не для охраненія только дѣтскаго организма отъ внѣшнихъ невзгодъ, не для осуществленія одного только великаго процесса размноженія живетъ въ груди матерей съ такою неучтожимостью чувство любви къ рожденнымъ имъ дѣтямъ!..

Это хорошо понимаетъ и каждая мать... Да и всякій ребенокъ постигаетъ сердцемъ, что *не объ одномъ внѣшнемъ благополучіи должна имѣть попеченіе мать.*

И въ самомъ дѣлѣ, отъ самыхъ первыхъ дней, когда въ малюткѣ еще мало развитъ инстинктъ самосохраненія, онъ предъявляетъ особые требованія къ ней. Онъ тянетъ къ ней ручки, если не умѣетъ ступать... Онъ побѣжитъ босой по холодному полу, если умѣетъ передвигать ножками. У нея груди онъ хочетъ видѣть ласковый взоръ ея... Сидя съ ней, онъ хочетъ склониться къ ней. Онъ понимаетъ, что *кроме интересовъ питанія есть интересы духа*, требующіе слиянія его неокрѣпшаго „я“ съ душою нѣжно любящей матери. Н. М. Карамзинъ до дней глубокой старости не могъ забыть своей матери, которой онъ лишился въ раннемъ дѣтствѣ. И онъ потому не забылъ ея, что въ ней была его любовь. „Сколько разъ въ день, въ минуту, вспоминаетъ онъ, нѣжная родительница цѣловала меня“... „Сколько разъ и я маленькими рученками обнималъ ее, прижимаясь къ ея груди“... Голосъ мой все тверже и тверже произносилъ: „люблю тебя, маменька!“⁸. И эта любовь была отвѣтомъ не на простую заботливость матери о житейскихъ удовольствіяхъ сына, но на ея попеченіе о душѣ малютки. „Нѣжная родительница, продолжаетъ свои воспоминанія Карамзинъ, старалась утвердить въ душѣ моей мысль о Богѣ. Срывая для меня весенній луговой цвѣтокъ или садовый лѣтній плодъ, она всегда говорила: „Богъ даетъ намъ цвѣты, Богъ даетъ намъ плоды“... Онъ вспоминаетъ и о томъ, какъ умирала его мать. „Во время болѣзни матери я не хотѣлъ идти отъ нея прочь, сидѣлъ, стоялъ подлѣ нея и глядѣлъ безпрестанно ей въ глаза. Я спрашивалъ ее: „лучше ли тебѣ“?— „Лучше, лучше“—говорила она; пока говорить могла—смотрѣла на меня; глаза ея наполнялись слезами—она смотрѣла на небо... Она боялась, чтобы ея болѣзнь не пристала ко мнѣ и то гово-

⁸ Рыцарь нашего времени. Здѣсь Карамзинъ вспоминаетъ свое дѣтство отъ лица Леона.

рила съ улыбкой: „сядь подлѣ меня“; то говорила со вздохомъ: „поди отъ меня“! И когда мать умерла, я вырвался изъ рукъ няни, прибѣжалъ, увидѣлъ мертвую... и упалъ на землю“.

А вотъ и поэтический образъ на ту же тему. Въ стихотвореніи Берга „Незнакомецъ у могилы“ юноша, на долго отлучившійся изъ дома матери своей, снова возвращается къ ней, чтобы повидаться съ нею. Воротившись домой, онъ нашелъ уже ея могилу. Цѣлую ночь онъ проплакалъ на этой дорогой могилѣ. Когда начало свѣтать, онъ взялъ горсть земли съ могилы, бережно завернулъ ее въ платокъ, какъ святыню, и въ послѣдній разъ съ глубокимъ стономъ простился съ могилою:

Мать моя! говорилъ онъ, стная:

Мать моя, дорогая, родная!..

То же чувство тоски объ умершей матери, вмѣстѣ съ которою умерло для осиротѣвшаго сына близкое отзывчивое сердце, слышится и въ задушевномъ стихотвореніи другого поэта⁹. Хмурая, поздняя ночь. Холодный вѣтеръ свободно гуляетъ по кладбищу, то затихая и уныло шелестя обнаженными сухими вѣтвями, то яростно бросаясь на старые поломавшіеся кресты, какъ бы желая вырвать ихъ и повалить на землю. На кладбищѣ ни души. Только на одной крайней могилѣ кто-то припалъ къ подножію креста; оттуда по временамъ доносится какой-то неясный шопотъ, сдержанное рыданіе. Это осиротѣвшій сынъ, припавъ къ могилѣ матери, изливаетъ мучительную тоску одиночества... Онъ шепчетъ:

Спишь ты, спишь, моя родная,

Спишь въ землѣ сырой—

Я пришолъ къ твоей могилѣ

Съ горемъ и тоской...

Жажда материнства всегда сказывается какъ острое болѣзненное чувство—и это потому, что переживаніе этой жажды нераздѣльно съ переживаніемъ чувства разочарованія, чувства одиночества и безпомощности, когда некому бываетъ помочь и когда въ длинной цѣпи людей, говорившихъ намъ о любви и обѣщавшихъ ее, остается вѣра въ одну только неуничтожимую любовь, мыслимую въ житейскомъ быту, вѣра въ материнскую любовь, для которой, послѣ Божественной любви, нѣтъ преградъ... И къ

⁹ Некрасовъ.

этой то любви невольно обращаются страдальцы при общей людской холодности.

И понятно, если одинъ страдалецъ, какихъ не мало на бѣломъ свѣтѣ, жаждетъ этой любви, чувствуетъ потребность упасть на „родную грудь“ матери, когда такъ все кручинить его...

Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
на могилкѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...

.
Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ...
Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горьку пѣсню спою...
О! Прости! То не пѣсь утѣшенья
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну—и ради спасенья
Я твою призываю любовь.
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Что бы короткія очи твои
Смыли жаркой слезой состраданія
Всѣ позорныя пятна мои ¹⁰...

Знають цѣну материнской любви и люди зрѣлыхъ лѣтъ, обманутые въ жизни. Знають ее и дѣти.

Ночь. Въ комнатѣ душно... Сквозь шторы струится
Таинственный свѣтъ серебристой луны...
Я глубже въ подушки стараюсь зарыться,
А сны надо мной ужъ, завѣтные сны!..
Чу! шорохъ шаговъ и шумящаго платья...
Несмѣлые звуки слышнѣй и слышнѣй...
Вотъ нѣжное „здравствуй“, и чьи то объятія
Кольцомъ обвились вокругъ шеи моей!
„Ты здѣсь, ты со мной, о, моя дорогая,
О, милая мама!.. Ты снова пришла...

Какіе жъ дары изъ далекаго рая
Ты бѣдному сыну съ собой принесла?

¹⁰ Надсонъ.

Какъ въ прошлыя ночи, взяла ль ты съ собою
Съ луговъ его яркихъ, какъ день, мотыльковъ,
Изъ рѣкъ его рыбокъ съ цвѣтной чешуею,
Изъ райскихъ садовъ—ароматныхъ плодовъ?
Споешь ли ты райскія пѣсни мнѣ снова,
Разскажешь ли снова, какъ въ блескѣ лучей
И въ синихъ струяхъ ѳиміама святаго
Тамъ носятся тѣни безгрѣшныхъ людей?
Какъ ангелы въ полночь на землю слетають
И бродятъ вокругъ поселеній людскихъ,
И чистыя слезы молитвъ собирають
И нижутъ жемчужныя нити изъ нихъ?..“

И ребенокъ вѣрить, что мать изъ потусторонняго бытія не останется безотвѣтною. Онъ помнитъ, какъ мать любовно разбирала ему густыя кудри, когда онъ былъ еще крошкой. Онъ снова возсоздаетъ образъ любившей его и ждетъ встрѣчи съ нею въ ночныхъ сновидѣніяхъ.

Вложивъ въ уста твои ласкающіяся рѣчи,
Вложивъ огонь любви во взглядъ твоихъ очей,
Я каждой ночи ждалъ, какъ благодатной встрѣчи...

.
И въ грезахъ снова ты... Но какъ ты хороша,
Какъ дивно хороша!.. Какъ нѣжно къ изголовью
Прильнула ты!.. Какой небесною любовью
Горитъ въ очахъ твоихъ небесная душа!
Родная!.. милая!.. Побудь со мною,
Дай ласку мнѣ узнать хоть въ грезахъ, хоть во снѣ!
И слышу голосъ я,—какъ арфа надо мною
Звучитъ онъ трепетно въ полночной тишинѣ:
„Подъ радостнымъ небомъ далекаго рая,
Въ сіяньи небеснаго дня,
Я слышу, какъ въ мірѣ, томясь и страдая,
Печально зовешь ты меня...
Твой зовъ безотвѣтный и дѣтскія слезы
И жгутъ и терзають мнѣ грудь,
И мчусь я на землю, чтобъ въ обликъ грезы
Къ знакомой кроваткѣ прильнуть...
Мальчикъ, не плачь, не томися тоскою,
Прочь, черная мысль, отъ чела...“

Усталому сыну изъ рая съ собою
Я райскіе сны принесла“...

Такъ, для ребенка материнская ласка, хотя бы и во снѣ,— синонимъ райскаго блаженства... И поэты не говорили бы, разумѣется, такъ настойчиво объ этой жадѣ дѣтей материнской любви, если бы она не была дѣйствительною потребностью ихъ сердца.

Потапенко въ—одномъ, очень недавнемъ, маленькомъ рассказѣ своемъ „Мишугина мамка“ затрогиваетъ вопросъ материнства. И при жгучихъ вопросахъ современности не утратилъ, какъ видно, въ литературѣ своего непреходящаго значенія и этическій вопросъ—*вопросъ материнства*. Вотъ краткое содержаніе рассказа Потапенко. Подкидышъ „Мишуга“ попалъ изъ богоугоднаго заведенія въ барскій домъ въ качествѣ компаніона къ единственному барскому ребенку. Зная исторію своей жизни, „Мишуга“ въ чужомъ домѣ все время мечталъ о томъ, что вотъ-вотъ придетъ къ нему его родная мамка... „А мамка моя придетъ... О, она еще придетъ!“—говорилъ „Мишуга“ паньчу... Въ Рождественскій сочельникъ въ барскій домъ зашла худая, еле двигавшаяся, женщина... „Мишуга“ почему то рѣшилъ, что это его мамка... Бездомная женщина переночевала. Въ праздникъ „Мишуга“ былъ какой то сіяющій: одно присутствіе женщины наполняло его неизъяснимой радостью. „Мишуга“ не разбирался въ томъ, кто эта женщина. Онъ счастливъ былъ, видя ее. Ему во что бы то ни стало хотѣлось признать въ ней свою мать... Но вотъ случайно появившаяся въ домѣ „Мишугиныхъ“ господъ женщина внезапно исчезла... Въ глазахъ „Мишуги“ засвѣтилась глубокая печаль...

Послѣ „Мишуга“ узналъ, что это вовсе не была его мать, но онъ не разбирался, не хотѣлъ разбираться въ подробностяхъ... *Его душѣ нужно было, чтобы у него хотя разъ въ жизни, хотя три дня во всю жизнь была мать...* И онъ призналъ за таковую случайную, бродячую женщину, которая все же была мила ему...

И однако, при глубокихъ взаимныхъ влеченіяхъ двухъ сердець материнскаго и дѣтскаго, мы видимъ въ наличности *величайшую міровую трагедію—расторженіе этого союза любви.*

II.

Въ древнихъ Римѣ и Аѣинахъ временъ упадка нравовъ лучшіе умы жалѣли о томъ, что нельзя имѣть дѣтей безъ помощи жен-

щинъ. То же было и во Франціи наканунѣ революціи¹¹. То же, къ прискорбію, замѣчается и у насъ. Изъ семьи—изъ этого „міра въ мініатюрѣ“¹² стараются вырвать центръ его—женщину—мать. Одинъ изъ видныхъ мыслителей Лабулэ въ свое время сказалъ, что „цивилизациа страны измѣряется не тѣмъ, что думаютъ и знаютъ образованные умы, но тѣмъ, что думаютъ и знаютъ ея женщины, передающія новому поколѣнію свои мысли и предразсудки“¹³. По смыслу этого афоризма, который современность склонна считать парадоксомъ, нужна реформа не правъ, но нравовъ...

И однако, друзья женщины готовы безъ конца трактовать о правахъ женщины, но не о нравственной цѣнности ея личности.

По крайней мѣрѣ, за послѣднее время и въ литературѣ и въ области мнимо-научныхъ изысканій появилось не мало обидныхъ для женщины экскурсий... Таковъ, на примѣръ, трудъ одного нѣмецкаго автора—Ганса Рау, появившійся на книжномъ рынкѣ и у насъ. Собравъ въ своемъ изслѣдованіи „Опытъ половой психологіи“¹⁴ всю порнографическую литературу, Рау вслѣдъ за Бебелемъ и коммунистами, открылъ походъ противъ брака, противъ семьи, противъ женственной женщины—противъ матери. На 240 страницахъ онъ трактуетъ о свободѣ порока. Самыя крайнія извращения чувства любви нашли въ немъ своего защитника. Онъ легко разсчитывается со всѣми юридическими и моральными основаниями, охраняющими святость семейнаго очага и высокое положеніе женщины—матери. Онъ съ негодованіемъ говоритъ о христіанствѣ и о служителяхъ Христа, какъ о злостныхъ тормозахъ порока. Бездоказательно считая непонятое и незатронутое имъ великое ученіе Христа о семьѣ, бракѣ и о материнскихъ обязанностяхъ обиднымъ для своихъ низ-

¹¹ Астафьевъ. Психическій міръ женщины. Москва. 1899 г. Стр. 3.

¹² Проф. Шкляревскій. Ibid. Стр. 2.

¹³ Ibid. Стр. 5.

¹⁴ Извращения въ любви. 1907 г. Москва. Ср. также Вѣстникъ Восп. 1908 г. Половая жизнь. Яковенко. Въ пользу свободной любви, за которую ратуетъ Рау, высказывались еще англичанинъ Карпентеръ и шведка Эленъ Кей въ соч. „О свободной любви и бракѣ“, 1904 г. См. также въ Вѣстн. Восп., какіе странные доводы приводятъ въ пользу свободной любви Charles Albert, Gumplovitz Bloch. Желаящимъ познакомиться съ обстоятельнымъ критическимъ взглядомъ на призывъ къ свободной любви мы настойчиво рекомендуемъ недавно переведенную и на русскій языкъ книгу Флейшмана (Fleischman) „Противъ Соціалъ Демократіи“. Москва 1907 г. Пер. М. В.

менных, ничтожныхъ взглядовъ, онъ, какъ трусливый заяцъ, за-
видѣвшій опытнаго охотника, перескакиваетъ чрезъ христіанство
и голословно завѣряетъ всѣхъ въ томъ, что „мы должны предо-
ставить каждой женщинѣ полное право рѣшенія, хочетъ ли она
быть матерью, или нѣтъ“. Даже и замужняя женщина, имѣющая
уже дѣтей, можетъ не забывать себя, даже болѣе, — обязана
главнымъ образомъ помнить о себѣ, а не о мужѣ и дѣтяхъ. При
этомъ здѣсь цитируются слова Гейне: „всякій, кто женится, по-
хожъ на венеціанскаго дожа, обручающагося съ Адриатическимъ
моремъ: онъ не знаетъ, что въ немъ — сокровища жемчуга, чудо-
вища или страшныя бури“. Этимъ обосновывается слѣдующее по-
ложеніе: такъ какъ бракъ для брачующихся страшенъ неизвѣстно-
стью, то каждый, вступающій въ него, можетъ смотрѣть на него
лишь съ точки зрѣнія наличныхъ удовольствій. Нѣтъ ихъ — не
можетъ быть и связующей силы въ брачныхъ узахъ, въ рожденіи
и воспитаніи дѣтей. Это-ли не проповѣдь грубаго эгоизма, рату-
ющего только за личное удовольствіе безъ всякихъ обязательствъ
предъ маленькими проповѣдниками незлобія!.. И все это само-
увѣренно выдается за результатъ науки, все это обосновывается
на данныхъ психологіи, которыя именно въ разсматриваемой книгѣ
поражаютъ своею бездоказанностью и легковѣсностію.

Одинъ писатель запрещалъ своимъ дѣтямъ входить въ ра-
бочій кабинетъ, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе писать свои развра-
щающія произведенія. Другихъ онъ развращалъ, на своихъ дѣтей
охранялъ отъ этого разврата. Только что упомянутый проповѣд-
никъ свободной любви, думается, очень похожъ на этого писа-
теля. Онъ не позволилъ бы, разумѣется, своимъ дѣтямъ назидаться
его произведеніями...

А между тѣмъ эта проповѣдь уже выступила за предѣлы ка-
бинетовъ и книгъ: она имѣетъ публичное доказательство въ видѣ
широко-распространенныхъ порнографическихъ снимковъ и ри-
сунковъ, которые выразительно свидѣтельствуютъ о нарушеніи,
не безъ вины мужчинъ, равновѣсія между послѣдними и женщи-
нами. И въ этомъ смыслѣ права одна изъ женщинъ, г-жа Кет-
леръ — предсѣдательница „Общества равноправія женской ре-
формы“, заявившая, что мужчина, не исполняющій болѣе обязан-
ности защищать женщину, отъ грубаго, добавимъ, развращенія
ея, не имѣетъ болѣе и права опекать ее“¹⁵. „Непобѣдимая сила

¹⁵ Евг. Будде. Нравственная личность женщины. Москва. 1907 г. стр. 4.

материнскихъ правъ должна помѣряться съ правомъ грубой силы¹⁶.

Вѣлинскій о современной ему женщинѣ когда то говорилъ: „русская дѣвушка не человѣкъ, она ничто другое, какъ *невѣста*. Еще ребенкомъ она называетъ своими женихами всѣхъ мужчинъ, которыхъ видитъ въ своемъ домѣ; еще въ колыбели ей говоритъ весь окружающій ее людъ, что она *невѣста*“. Современность, какъ видно, говоритъ ей нѣчто другое—болѣе горшее...

Но изъ того же лагеря, откуда несутся крикливые толки о женской эмансипаціи, часто понимаемой въ смыслѣ освобожденія отъ обязанностей семьянинки и матери, слышатся жалобы и на суровую долю современныхъ дѣтей. Появилась цѣлая литература, негодующая на постоянно совершающуюся въ жизни *трагедію дѣтской души*, переживаемую дѣтьми по винѣ ихъ матерей, убившихъ въ себѣ чувство материнства. Эти страждущія дѣти „господствуютъ надъ нашимъ временемъ и надъ зеркаломъ его—литературою“¹⁷. „Ребенка, говоритъ въ одномъ изъ небольшихъ этюдовъ Ансельмъ Гейне, положительно вновь открыли, какъ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ открыли женщину—ту женщину, которая не является только „эпизодомъ“ изъ жизни мужчины!.. Ребенокъ въ литературѣ до сихъ поръ тоже былъ какъ бы эпизодомъ изъ жизни взрослого человѣка!“..

И о чемъ же говорить это „открытіе“? О томъ же самомъ, о чемъ говорить и современное „открытіе“ женщины—о нравственныхъ страданіяхъ дѣтей, обусловленныхъ приниженіемъ нравственной личности женщины. Цѣлый рядъ видныхъ французскихъ писателей, начиная съ Золя, каковы, на примѣръ, Рони, Рода, Кюрель, Мирбо, Экаръ, Эрвье, Бріе, Анатоль Франсъ негодуютъ на матерей, легко относящихся къ своимъ материнскимъ обязанностямъ. И это негодованіе писателей-французовъ, извѣстныхъ легкостью нравовъ и усердіемъ другихъ проповѣдующихъ видоизмѣненную свободную любовь подъ видомъ „свободнаго материнства“¹⁸! Неменьшее негодованіе слышится и въ произведеніяхъ

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Трагедія дѣтской души. Очерки Веселовскаго, Москва. 1907 г. стр. 8.

¹⁸ См., напр. романъ Формана, „Свободное материнство“ 1908 г. Мысль „о свободномъ материнствѣ“ — дѣйствительно это тотъ же вопросъ, „о свободной любви“, который рѣшается не только на западѣ, но и у насъ даже въ педагогическихъ журналахъ, хотя здѣсь онъ рѣшается, конечно, болѣе сдержанно съ справедливымъ осужденіемъ, по крайней мѣрѣ, порнографіи (См., напр., Вѣстникъ Воспитанія, 1908 г. № 2, „Половая жизнь“ Вл. Яковенко).

нѣмецкихъ писателей, каковы, напримѣръ, Гауптманъ, Габріэль, Рейтеръ, Вассерманъ, Эмиль Маріотъ, Вильденбрухъ, Лангманъ и др.¹⁹ Не отстаютъ съ своимъ, обычно сдержаннымъ, негодованіемъ на судьбу дѣтей и англійскіе, а вслѣдъ за западомъ и наши русскіе беллетристы и педагоги. Стономъ стонутъ въ этихъ произведеніяхъ бѣдныя дѣти, сознающія свое безотрадное существованіе въ семьѣ и открыто заявляющія, что они не любятъ своихъ матерей, въ чемъ признается за всѣхъ нихъ, напримѣръ у Жюль Ренара, мальчикъ своему отцу...²⁰ И всегда покровителями этихъ дѣтей являются добрыя няни, въ которыхъ не замеръ еще инстинктъ материнства. Большинство матерей, выведенныхъ здѣсь, выражаясь словами беллетриста Эмиля Маріота, не знаетъ безграничнаго, все препобѣждающаго, все сглаживающаго блаженства материнской любви... Нечего и говорить, конечно, о положеніи дѣтей при неудачномъ бракѣ или въ участившихся и у насъ случаяхъ развода, когда появляются то „новый“ папа, то „новая“ мама. И въ литературныхъ, всегда скорбныхъ, картинахъ на эту тему нѣтъ недостатка (романы: Габріэль Рейтеръ—„Вѣрность“, Ильзы Фрапанъ—„Работа“, Марсель Прево—„Счастливая семья“, Бріе—„Колыбель“, Поль Эрвье—„Права мужа“, „Тиски“ и др.).

И какъ это ни странно, вся западная литература — всѣ коріи ея, охотно говорящія о свободной любви, живущей, какъ извѣстно, на счетъ семейнаго благополучія, на счетъ материнства, осуждаютъ эту любовь, что, напримѣръ, выражается во взглядѣ на разводъ. „Отдѣльные писатели, исповѣдуется за всѣхъ нихъ человѣкъ, котораго никакъ нельзя подозрѣвать въ благо-расположенности къ началамъ церковнаго вѣроученія, могутъ разсматривать разводъ съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, — считать его только неизбѣжнымъ зломъ или горячо отстаивать его во имя равноправности и независимости женщины. Но всѣ они становятся обыкновенно единодушными, когда рѣчь заходитъ о судьбѣ дѣтей, которыя расплачиваются за разногласія и враждебныя столкновенія родителей. Они всегда на сторонѣ сиротъ,

¹⁹ Трагедія дѣтск. души.

²⁰ Герой романа „Poil de Carotte“. Нѣкоторые, не осуждая въ принципѣ свободной любви, требуютъ, однако, огражденія дѣтей отъ произвольнаго отношенія къ нимъ родителей. Они предлагаютъ учредить спеціальныя комитеты „Защиты дѣтей“ (см., напр. сужденія шведской писат. Элленъ Кей въ соч. „О свободной любви и бракѣ“).

„не носящихъ траурнаго платя“ ²¹. А этимъ косвенно, хотя и гласомъ Валаамовой ослицы, утверждается *святость и незыблемость материнства*. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ! Убиваютъ дѣтскую душу, а потомъ оплакиваютъ дѣтей!.. Убиваютъ въ женщинѣ мать и потомъ оплакиваютъ ее! Ужели и намъ нужно ждать того, чтобы мы, по почину запада убивъ въ женщинѣ инстинктъ материнства, по указу же запада начали и оплакивать утрату его ими?!..

У насъ есть уже свое осужденіе „нищаго чувствомъ міра земного“. И безъ запада въ нашемъ нравственномъ мірѣ довольно печали...

Къ чему-жъ ему еще безвинныя страданья
Дѣтей измученныхъ, безпомощныхъ дѣтей?!

Но въ минуты мимолетнаго пессимизма кажется иногда, что напрасны призывы къ отрезвленію, напрасны всѣ мольбы, бесплоденъ плачъ за дѣтей:

Все ведется, какъ велося,
Все впередъ идутъ колеса,
Точно вѣстники судьбы!
Нѣтъ предѣловъ тьмы и глуши,—
И дѣтей несчастныхъ души,
Тѣ, что Богомъ созданы
Для блаженной, свѣтлой доли,
Подъ ярмо слѣпой неволи
Человѣкомъ склонены! ²²

И понятно, поэтому, какъ мы должны быть благодарны тѣмъ немногимъ корифеямъ русской философской мысли, которые съ рѣшительностію отстаиваютъ святость материнства, отправляясь въ своихъ сужденіяхъ отъ точныхъ данныхъ психологіи и христіанской морали. Вотъ глубоко-назидательный выводъ изъ этихъ данныхъ одного русскаго философа-психолога ²³.

„Едва ли необходимо, говорить онъ, долго останавливаться на доказательствахъ подавляющаго интереса вопроса о роли въ экономіи міра, общества и личной жизни, объ историческомъ и

²¹ Веселовскій. Трагедія дѣтской души, стр. 87.

²² Вейнбергъ.

²³ Астафьевъ. Нижеслѣдующее составляетъ выборъ существенныхъ пунктовъ изъ обстоятельнаго изслѣдованія Астафьева по вопросу о психическомъ мірѣ женщины.

нравственномъ значеніи цѣлой половины человѣческаго рода, той половины, къ которой принадлежатъ наши матери, воспитательницы и жены, первыя и послѣднія друзья наши, какъ въ тотъ моментъ, когда для насъ все еще впереди, такъ и тогда, когда занавѣсъ опускается и

Больше не нужно ни пѣсень, ни слезъ...

Но каково бы ни было значеніе этой половины человѣческаго рода, въ чисто личной жизни, въ личныхъ судьбахъ всякаго изъ насъ и какъ высоко не цѣнили бы мы сосредоточенныя въ ней разнообразныя силы, не въ этомъ видимъ мы главное, откуда „женскій вопросъ“ почерпаетъ свое истинное жизненное значеніе. Центръ тяжести вопроса въ томъ культурномъ, социальномъ и политическомъ значеніи, которое принадлежитъ семьѣ и въ томъ положеніи, которое въ семьѣ естественно занимаетъ женщина. Въ семьѣ коренится всякая жизнь, всякая сила, всякая надежда, и личная, и общественная, и государственная; поэтому же въ ея судьбахъ, какъ въ зеркалѣ, отражается и вся современная ей жизнь, съ ея стремленіями и болѣзнями. Когда рушится семья,—прототипъ всякаго органическаго жизненнаго союза,—все рушится. Прудонъ, мало знавшій женщинъ и еще меньше понимавшій и цѣнившій ихъ, безусловно правъ, однако, когда утверждаетъ, что „безъ домашняго очага и безъ семьи нѣтъ справедливости, нѣтъ общества, остаются лишь эгоизмъ безъ примѣси, гражданская война и разбой“, и „что безъ семьи политическій строй уже не будетъ союзомъ свободныхъ людей, семействъ и городовъ, но обратится въ теократическій или порнократическій коммунизмъ—худшую форму тираніи“... Въ особенности пельзя низко цѣнить выпавшей на долю женщины задачи—внѣдренія идей въ жизнь и характеры путемъ нравовъ,—въ такія эпохи исторіи, когда въ нравственныхъ убѣжденіяхъ господствуетъ анархія, и нравы остаются единственною связывающею и упорядочивающею жизнь силой. Если въ такія эпохи и нравы, наконецъ, становятся безсильны, если и ихъ ревнительница и созидательница-женщина, наконецъ, отвращается отъ нихъ и съ насмѣшкой топчетъ ихъ въ грязь,—тогда съ увѣренностью можно сказать, что жизнь дошла до конца одного изъ своихъ періодовъ и требуетъ обновленія. Примѣръ паденія древняго языческаго міра и введенія христіанства послужить намъ и примѣромъ, чрезвычайно ярко уясняющимъ какъ тѣ пути и средства, которыми женщина осуществляетъ свое историческое призваніе, такъ и несостоятельность мнѣнія,

будто женщина по природѣ способна только къ слѣпой и упорной борьбѣ противъ новыхъ началъ въ защиту, хотя бы и отжившихъ, уже старыхъ. Кто былъ болѣе упоренъ и слѣпъ въ защитѣ, очевидно, уже отжившихъ идей и формъ древняго міра, не хотѣвшаго знать моральной личности (души какъ самоцѣли)—женщина или мужчина? Исторія даетъ на эти вопросы не двусмысленный отвѣтъ. Женщина раньше мужчины поняла, несостоятельность древней, преслѣдовавшей исключительно политическій (гражданскій) идеаль цивилизаціи, мало-по-малу утратившій свой смыслъ по мѣрѣ того какъ развилась, окрѣпла и выдвинулась впередъ съ своими новыми требованіями сильная не гражданскою только, но внутреннею силой и правомъ, моральная личность. Она ранѣе мужчины отказалась отъ безнадежныхъ и бесполезно-жестокихъ попытокъ продлить агонію древняго міра разными искусственными средствами, и раньше его всѣми силами и помыслами своими, всѣмъ сердцемъ отдалась новому началу христіанства, возродившему міръ, для котораго одна гражданственность перестала уже быть достаточною опорою. Исторія же говоритъ намъ и о томъ, какими путями осуществлялось участіе женщины, проявлялась женская сила въ этой величайшей изъ міровыхъ революцій! Не путемъ созданія догматовъ,—даже не путемъ публичной профессиональной проповѣди, но путемъ вліяній женщины того времени на современнаго человѣка всею своею личностью, своими нравами и примѣрами, всею созидаемою ею обстановкою семейною и общественною, воспитаніемъ и помощью страждущему человѣчеству. И какъ полно и беззаветно, съ какою неодолимою силою и самоотверженіемъ отдается женщина идеѣ, если эта идея не отвлеченна и не одностороння, но захватываетъ и глубоко проникаетъ весь строй и ея внѣшнихъ отношеній и ея внутренняго міра! Она не умѣетъ быть нецѣльной, не умѣетъ входить съ собой въ компромиссы и вести рядомъ какъ бы двѣ отдѣльныя жизни, какъ мы видимъ это у мужчины. И эта сторона ея воспитательной миссіи нравовъ выполняется только путемъ вліянія моральнаго... „Эмансипація“, дарованіе женщинѣ новыхъ правъ, новаго соціальнаго и политическаго положенія не только не послужить къ усилению ея средствъ въ дѣлѣ созданія и упроченія нравовъ, какъ одной изъ главныхъ силъ воспитанія человѣчества, но скорѣе должна произвести противоположный эффектъ... Пессимизмъ и въ міровозрѣніи, и въ чувствахъ, и въ наукѣ, и въ литературѣ праздноуетъ повсюду по-

бѣды. И, конечно, не философскія опроверженія его, всегда доступныя лишь меньшинству, и только для меньшей части его убѣдительныя, въ состояннн задержать его разлитіе или предотвратить практическій выводъ изъ его соединенія съ утопіей блаженнаго будущаго,—такъ называемое социальное движеніе. Въ состояннн сдѣлать это лишь дѣйствіе какой-либо всеобщей, вездѣ присущей, всепроникающей и на все неодолимо вліяющей силы, одинаково враждебной и пессимизму ума, и чувства, и утопіи. Такою силою въ нашемъ обществѣ представляется единственно женственная женщина. Всѣ свойства ея мысли, воли и чувства одинаково отвращаютъ ее и отъ серіознаго, подтачивающаго жизнь, пессимизма и отъ искренней вѣры въ утопію. Женщина всегда любила, цѣнила жизнь и лучше и полнѣе мужчины наслаждалась ею; она всегда сочувственнѣе, жизнерадостнѣе и теплѣе его относилась къ дѣйствительности и всегда болѣе его не довѣряла отвлеченнымъ благамъ и отдаленнымъ задачамъ. Искреннія пессимистки и утопистки встрѣчаются лишь въ рядахъ женщинахъ, возставшихъ *сознательно противъ женственности и переставшихъ служить цѣлямъ рода*. Поэтому нраво-воспитательное вліяніе женственной женщины, общеніе съ ея гармоническимъ, жизнерадостнымъ, полнымъ теплоты, сочувствія къ жизни и трезвой практичности внутреннимъ міромъ—больше всякаго другого, можетъ внести въ отношеніе современнаго человѣчества къ жизни теплоты и сочувствія, желанія, умѣнія и силы жить и цѣнить жизнь. Мы твердо вѣримъ, что въ женственности нашихъ женщинъ—залогъ конечной побѣды надъ пессимизмомъ и всякимъ нигилизмомъ. Женщинѣ, дающей намъ жизнь, удастся, какъ удавалось до сихъ поръ, и научить насъ цѣнить эту жизнь. Женственная же женщина представляется въ наше время и почти единственною представительницей той силы, которая есть первое и послѣднее условіе всякой жизни. Государства, народы, цѣлыя культуры умирали, но „внутренній человѣкъ“ переживалъ ихъ гибель и снова начиналъ жизнь. Представительница же и хранительница исключительно его силъ—женщина, а не такъ называемая культура и не работники и фанатики внѣшняго прогресса. Она же, поэтому, не только физически, но и духовно была и есть представительница и хранительница жизни рода. Такою останется женственная женщина вездѣ и всегда, напоминая намъ о нуждахъ „внутренняго человека“, такъ далеко отгѣсненнаго въ наше время на далекій и туманный задній планъ

наго Богу и полезнаго для государства. Родители только — природные, предопредѣленные Богомъ и самые благонадежные воспитатели своихъ дѣтей; къ этому обязываетъ ихъ совѣсть и сознание, что за пригодность или непригодность, за счастье или несчастье своихъ дѣтей они дадутъ строгій отвѣтъ Богу. Для нихъ нѣтъ болѣе трудной, но и болѣе высокой, болѣе прекрасной и болѣе благодарной задачи, какъ воспитаніе дѣтей своихъ. Христіанинъ хорошо сознаетъ и чувствуетъ это, но онъ знаетъ и средство, которое можетъ облегчить эту задачу, которое лучше предохраняетъ отъ опасностей и вреда, чѣмъ всѣ рецепты въ ученыхъ книгахъ, это добрый примѣръ, который отецъ и мать подаютъ своимъ дѣтямъ!.. И въ предстоящей социальной борьбѣ я немало полагаюсь на нѣмецкую (о если бы съ такою же увѣренностью можно было сказать и о русской!) женщину, *которая не позволитъ лишить себя чести* и низвести на положеніе наложницы по контракту и изъ своего дома—этого тихаго и безопаснаго убѣжища—изъ своей милой семьи выбросить себя на публичную улицу, на рынокъ для продажи...

Въ послѣдней книгѣ Священнаго Писанія, въ Откровеніи Іоанна Богослова, Тайновидецъ предусматриваетъ время, когда человѣкъ будетъ носить на себѣ печать звѣря и одна женщина, какъ великая блудница, сядетъ на престолѣ. Это—мрачные и ужасные образы, которые съ точностью объяснить я не дерзаю. Но когда я вижу, какъ матеріализмъ и на немъ основывающаяся социаль-демократическая литература возвышаетъ женщину, какъ блудницу, на тронъ, и мужчину, униженнаго до состоянія животнаго, съ выраженіемъ животной похоти на лицѣ, заставляетъ за нею ухаживать, то становится жутко; и я иногда думаю, уже не стоитъ ли у насъ предъ дверями время великаго отступленія и той послѣдней всемірной катастрофы, при видѣ которой будутъ, по слову Божию, кричать къ горамъ: „падите на насъ“, и холмамъ: „укройте насъ!“ Но буди милостивъ къ намъ, Господи, отодвинь наступленіе этого страшнаго времени!“²⁴

Какъ отрадна эта вѣра въ женщину и какъ внушительны эти пророчесвенныя предостереженія!

И можно ли, въ самомъ дѣлѣ, не желать *возрожденія женщины, а въ женщинѣ — матери?* Это исходный и конечный пунктъ и христіанскаго воззрѣнія на женщину. *Христіанство*

²⁴ Флейшманъ, перев. М. В. стр. 192—195.

наго Богу и полезнаго для государства. Родители только — природные, предопредѣленные Богомъ и самые благонадежные воспитатели своихъ дѣтей; къ этому обязываетъ ихъ совѣсть и сознание, что за пригодность или непригодность, за счастье или несчастье своихъ дѣтей они дадутъ строгій отвѣтъ Богу. Для нихъ нѣтъ болѣе трудной, но и болѣе высокой, болѣе прекрасной и болѣе благодарной задачи, какъ воспитаніе дѣтей своихъ. Христіанинъ хорошо сознаетъ и чувствуетъ это, но онъ знаетъ и средство, которое можетъ облегчить эту задачу, которое лучше предохраняетъ отъ опасностей и вреда, чѣмъ всѣ рецепты въ ученыхъ книгахъ, это добрый примѣръ, который отецъ и мать подаютъ своимъ дѣтямъ!.. И въ предстоящей соціальной борьбѣ я немало полагаюсь на нѣмецкую (о если бы съ такою же увѣренностью можно было сказать и о русской!) женщину, *которая не позволитъ лишить себя чести* и низвести на положеніе наложницы по контракту и изъ своего дома—этого тихаго и безопаснаго убѣжища—изъ своей милой семьи выбросить себя на публичную улицу, на рынокъ для продажи...

Въ послѣдней книгѣ Священнаго Писанія, въ Откровеніи Іоанна Богослова, Тайновидецъ предусматриваетъ время, когда человѣкъ будетъ носить на себѣ печать звѣря и одна женщина, какъ великая блудница, сядетъ на престолѣ. Это—мрачные и ужасные образы, которые съ точностью объяснить я не дерзаю. Но когда я вижу, какъ матеріализмъ и на немъ основывающаяся соціаль-демократическая литература возвышаетъ женщину, какъ блудницу, на тронъ, и мужчину, униженнаго до состоянія животнаго, съ выраженіемъ животной похоти на лицѣ, заставляетъ за нею ухаживать, то становится жутко; и я иногда думаю, уже не стоитъ ли у насъ предъ дверями время великаго отступленія и той послѣдней всемірной катастрофы, при видѣ которой будутъ, по слову Божию, кричать къ горамъ: „падите на насъ“, и холмамъ: „укройте насъ!“ Но буди милостивъ къ намъ, Господи, отодвинь наступленіе этого страшнаго времени!“...²⁴

Какъ отраднa эта вѣра въ женщину и какъ внушительны эти пророчесвенныя предостереженія!

И можно ли, въ самомъ дѣлѣ, не желать *возрожденія женщины, а въ женщинѣ — матери?! Это исходный и конечный пунктъ и христіанскаго воззрѣнія на женщину. Христіанство*

²⁴ Флейшманъ, перев. М. В. стр. 192—195.

всегда цѣнило въ женщинѣ ея нравственную личность, ея беззаветную любовь ко всему святому и священному. И эта то женственная женщина, всегда занимавшая почтенное мѣсто въ общечеловѣческой и въ частности и въ особенности въ христіанской исторіи, бывшая безкорыстною служительницею высокихъ стремленій человѣческаго духа, теперь, когда такъ много слышится толковъ о ея равноправіи, особенно унижена. „Женщинамъ уступаютъ мѣста, говоритъ одинъ герой общеизвѣстнаго романа ²⁵, поднимаютъ ей платки; другіе признаютъ ея права на занятіе всѣхъ должностей, на участіе въ правленіи. Это все дѣлаютъ, а взглядъ не нее все тотъ же. Она—орудіе наслажденія. Все равно, какъ рабство... Освобождаютъ женщину, даютъ ей всякія права, равныя мужчинѣ... И она все такая же приниженная раба и мужчина—развращенный рабовладѣлецъ. Освобождаютъ женщину на курсахъ и въ палаткахъ, а смотрятъ на нее, какъ на предметъ наслажденія... Гимназіи и курсы не могутъ измѣнить этого. Измѣнить это можетъ только перемѣна взгляда мужчинъ на женщинъ и женщинъ самихъ на себя“... И это, къ сожалѣнію, горькая правда.

Вотъ почему намъ хотѣлось бы, чтобы истинно просвѣщенная, болѣющая за свои юридическія права, женщина нашихъ дней отличалась тою проникновенностью, которую показали нѣкоторыя энергичныя парижанки наканунѣ коммуны. Когда въ Парижѣ были объявлены права „человѣка“, то онѣ рѣшили, что это ихъ не касается, что „человѣкъ“ только мужчина и заявили свой протестъ. Эта, въ существѣ дѣла курьезная, логика, показывала, однако, справедливое недовѣріе къ новому лозунгу коммуны... И это недовѣріе нашло послѣ себѣ историческое обоснованіе въ фактѣ нравственнаго приниженія женщины... Все худшее въ нравственномъ смыслѣ—и въ литературѣ и въ живописи, какъ свистъ бѣшеной бури, носится надъ женщиной. Теперь кажется женщины должны снова, какъ во время коммуны, показать, что онѣ остались при прежнемъ благоразуміи, что онѣ понимаютъ смыслъ настоящаго положенія вещей... Женщина не повѣрила тогда, чтобы въ правахъ „человѣка“ оградилась и ея права... Въ настоящій же моментъ, когда ей усердно раскланиваются, соглашаясь на всѣ ея требованія правъ, и въ то же время затушевываютъ принижаютъ, позорятъ ея нравственную личность, она должна понять,

²⁵ Анна Каренина.

что это этот позоръ касается именно ея и она снова, и болѣе рѣшительно, чѣмъ во времена коммуны, должна протестовать противъ ея приниженія, протестовать не только заявленіями, но и жизнью, которая смогла бы показать, что есть еще женственные женщины, что въ нихъ не утратилась нравственная личность, что онѣ ревниво хранятъ семейный очагъ и святѣйшія обязанности материнства. А эта женщина

Упорна мужествомъ, безсмѣнно, годъ отъ года,
За дорогую жизнь борьбу ведетъ она,
И твердо вѣруетъ, что самая природа
Могущество любви покорствовать должна.

Гнетущей мыслию волнуема тревожно,
Она отвергнула забвеніе, покой,
Всѣ жертвы ей легки, всѣ жертвы ей возможны,
Хотя бы гибелью грозили ей самой...

Она за жизнь свою, за всѣ земныя блага
Не сброситъ своего тернового вѣнца;
Ей могутъ измѣнить и силы и отвага,
Но для ея любви нѣтъ мѣры, нѣтъ конца!

И если есть еще эти женщины, — а таковыя конечно есть, — то онѣ должны стать въ первые ряды и воскликнуть: *сохраните въ насъ нашу нравственную личность*, не убивайте въ насъ женственности, не казните въ насъ матерей... Намъ не дали никакихъ правъ, но за то отняли у насъ святѣйшее непокупное право быть нравственною личностію.

Да, ради непойманныхъ журавлей у насъ не мало уже упущено синицъ ..

Д. Введенскій.

